

София Агачер

Врач-анестезиолог, ученый и писатель, автор рассказов, пьес и романов, отмеченных международными наградами. С 2018 года активно занимается организацией литературных и театральных конкурсов для детей и подростков. Живет в Чикаго. В 2025 году стала лауреатом I Национальной литературной премии им. Д. А. Гранина в номинации «Искатели» за роман «Исцеление мира. Журнал Рыси и Нэта», главы из которого мы и представляем читателю.

От редакции

Роман Софии Агачер «Исцеление мира. Журнал Рыси и Нэта», удостоенный в 2025 году премии им. Д. А. Гранина, был издан к сорокалетию аварии на Чернобыльской АЭС. Однако удивительные, фантастические события книги происходят спустя несколько десятилетий после трагедии.

Автор писала книгу более десяти лет, поначалу — в виде постов в «Живом Журнале», создавшем в 90-00-е годы такой культурный феномен, как сетевая литература. Поэтому главы романа называются «постами», эстафетная палочка рассказчика переходит от одного героя к другому, а после каждого поста мы находим комментарии лиц, якобы читающих «Бортовой журнал». Интересная, хорошо воспринимаемая форма подачи — и увлекательное содержание.

В Полесский радиационно-экологический заповедник приезжает экспедиция участников «небывалого эксперимента», исследующая постапокалиптическую зону в попытке установить с нею зыбкие связи. За прошедшие десятилетия природа, оставшаяся без людей, изгнанных радиацией, не только залечила нанесенные ей раны, но и выстроила сложную сеть внутренних связей, создала собственный закрытый мир, неохотно принимающий чужаков. Люди контактируют с Заповедником через его представителей: Рысь, Лиса или даже дерево; все они имеют разум и обладают мистическими способностями.

Природу, по Агачер, нельзя назвать гуманной или негуманной — она по-своему справедлива; человеку нечего противопоставить ее беспри-

страстной логике. Разве что созданный им Искусственный Интеллект... который, впрочем, тоже существует по своим собственным законам.

Роман Софии Агачер — не только о боли, страдании и надежде на исцеление, в том числе с помощью чуда. Он, прежде всего, о единстве всего сущего — природы, человека и искусственного разума как порождения разума человеческого. Слияние происходит на всех уровнях: разум человека проникает в сильное, совершенное тело зверя, а разум нейрокомпьютера — в мозг больной женщины, и этот процесс должен способствовать исцелению человека от болезни, лекарство от которой не изобретено до сих пор.

Ну, а есть ли у природы лекарство от самого агрессивного паразита — человека? И сумеет ли человек осознать, что он — не хозяин природы, а ее дитя? Писательница поднимает важнейшие вопросы, давая высказаться героям книги.

«...я пришел к выводу, что человек во все времена пытался устроить свой персональный справедливый мир. У кого-то он был размером с шалаш, а у кого-то размером с империю. Сейчас человечество выстраивает новую Метавселенную, и ему кажется, что наконец-то персональный цифровой аватар сможет построить этот вожделенный счастливый мир, забыв, что это очередная ловушка.»

Будем надеяться, что счастливый мир все-таки возможен, а выход из ловушки найдем — если не мы, то наши потомки. Во всяком случае, роман Софии Агачер не оставляет тяжелого осадка, — напротив, в финале светит луч надежды.

Главы романа «Исцеление мира. Журнал Рыси и Нэта»

Пост 1. Лис

*6 июня 2006 г.
Поль Ванькович*

Задействовав все свои мыслимые и немыслимые связи, съемочной группе французского телевидения удалось-таки получить разрешение на посещение Полесского радиационно-экологического заповедника.

Странная это была группа. Впервые за двадцать лет операторской работы в экстремальных условиях военных конфликтов меня пригласили в киноэкспедицию, исходя из результатов исключительно медицинского обследования. Три года тому назад я провел феерическую неделю на Лазурном берегу в неврологической клинике доктора Андрэ Бертье,

где получил приличный аванс и подписал контракт на участие по первому требованию в экспедиции в Чернобыльский радиационный заповедник. И при этом, похоже, мое профессиональное портфолио никого не интересовало.

Шикарный джет бизнес-класса доставил меня, двух моих старинных друзей и коллег — Александра Капниста и Мишеля Дризэ, нашего босса доктора Андрэ Бертье и доктора Ву в аэропорт белорусской столицы. А вот рыжеволосую красавицу с зелеными глазами я видел впервые.

— Меня зовут Надин, — представилась она. — Я ассистентка доктора Андрэ Бертье.

Это были ее единственные слова за три с половиной часа полета. Вылитая Жанна д'Арк в тридцать лет! Молодая женщина закуталась в несколько пледов, пытаюсь унять судороги, которые периодически сотрясали ее тело. Видно, сильно нервничала перед опасным путешествием и пыталась согреться. Хотя что там опасного?! Авария на Чернобыльской станции была двадцать лет тому назад, сотни тысяч людей прошли через зону отчуждения. Да и не пустит нас никто снимать разное зверье там, где здорово фонит. Индивидуальный дозиметр есть у каждого.

После приземления немного размялся: поснимал придорожные силенево-желтые миражи с полями цветущего рапса и люпина, а заодно и лекцию белорусского ученого доктора Юркевича послушал. Классная профессия у мужика — изучает психологию волков и, похоже, живет в этом заповеднике безвылазно. Я бы совсем не удивился, если б он не только умел выть по-волчьи, но еще и при полной луне оборачивался бы в серого!

Недалеко от Бобруйска свернули к Березине. Во Франции название этой реки используется как синоним катастрофы. Вышел я из автобуса — думал: поснимаю... Но какое там! Духмяный аромат трав, костра, реки одурманил, и я на тонкой ниточке, как канатоходец над пропастью, под песню соловья забрался куда-то в давно забытые райские кущи!

Вроде сижу я в камуфляже рядом с остальными у деревянного стола в ожидании буйабеса, ноздри раздуваю, аки жеребец... Но внимание расфокусировано, картинка расплывается... — и в моем галлюцинирующем мозгу проявляются зов охотничьего рога, ржание лошадей, лай собак, вой волка и скулеж огромной раненой кошки, причем я абсолютно уверен, что кошки, — так плачет мой мейн-кун...

Охота. Где-то идет охота, которой я никогда не видел, но о которой мне как-то рассказывал... дед. Да, точно, дед! У отца в гостиной даже висела старинная картина «Шляхетская охота на рысь у берегов Припяти»... Это Березина, а не Припять — вспоминаю я и осознаю, что сижу рядом с Александром Капнистом за столом и тупо смотрю на деревянную ложку.

Уха была божественная — так умела готовить только моя бабушка. Медленно смакуя, я съел три огромные миски. И все это время чувствовал теплые бабушкины руки и ее ласковый шепот:

— Jedz, jedz! wnuczek!¹

После обеда доктор Бертъе предложил каждому из нас делать заметки в полевой журнал обо всем, что не только случится, но и почувдится на этой земле. Да, похоже, местечко еще то!

Разместили нас в ближайшем к заповеднику городке, в Хойниках, в гостинице с непереводаемым фольклорным названием «Журавинка». Я затащил свои фотокамеры и сумку в небольшой номер. Кровать была застелена чистым, хрустящим бельем. Ура! Главное — вымыться с дороги. В ванной комнате на стене, между раковиной и душевой кабиной, висела табличка: «Мойся вначале холодной водой!» и стоял пластиковый бак с нарисованным знаком радиационной опасности. Нужно будет спросить у Федора, что это означает, а пока пришлось закаляться!

Плотно позавтракав картофельными оладьями, которые тут называются драниками, мы погрузились в машину МЧС, напоминающую луноход. Я пристроился в кабине рядом с водителем — самая удобная точка для дорожной съемки.

Через пять минут двухэтажные городские домики закончились, и мы свернули на шоссе с указателем «Стрелічево». По обе стороны дороги зеленели поля озимых, потом замелькали добротные кирпичные и бревенчатые деревенские дома. Стрелічево было полно жизни: в придорожном пруду с камышами плескались утки; привязанная к забору коза мирно уплетала траву; в огородах — не только без единой сорной травинки шнурки грядок, но и внушительных размеров теплицы.

Созерцание этой спокойной и полной жизни деревни умиротворяло. Похоже, что люди здесь и думать забыли о радиации!

Поля рапса перешли в лес. Впереди замаячило красное пятно, вскоре оказавшееся крышей дома. Дорогу вездеходу перегородили ворота со щитом, на котором огромными красными буквами была выведена надпись: «Стоп! Предъяви пропуск!»

Дверцу кабины, где я находился, открыл месье Юркевич и попросил отдать ему паспорт:

— Привет! А вот и контрольно-пропускной пункт «Бабчин». Добро пожаловать в заповедник! Пропуска и разрешения от администрации заповедника у нас в порядке, но границу между двумя независимыми государствами — Украиной и Беларусью — никто не отменял! Так что давай документ для погранцов!

¹ Ешь, ешь, внучек! (польск).

Ворота открылись, и мы подрулили к обычному сельскому деревянному домику, выкрашенному зеленой и желтой краской. Белые ажурные наличники окон и красная крыша дополняли легкомысленный вид здания, и только электронное табло с прыгающими цифрами «КПП “Бабчин”. МД 0,54 мкЗв/ч²» да придорожная кирпичная тумба с черным камнем и надписью «д. Бабчин, проживало 728 человек, эвакуирована в 1986 г.» нарушали радужную картину. Подленькое беспокойство опять начало сосать под ложечкой.

Дверь из зелено-желтого дома, оказавшегося «дежуркой» контрольно-пропускного пункта, открылась, и первой показалась голова, потом плечи, а затем вылез и весь высоченный дядька, одетый в камуфляж и солдатские ботинки. На груди у него висел армейский бинокль, в нагрудном кармане торчала рация, за плечами был рюкзак. Наш Федор, бросившийся к нему, казался хрупким пацаном в его лапищах:

— Матвей Остапович! Как я рад тебя видеть! Спасибо, что уважил просьбу и согласился показать моим французам зверье заповедника!.. Да тише ты, медведь, раздавишь ведь!

Каким-то чудом оставшийся в живых после дружеских объятий «специалист по волкам» повернулся к нам и, замахав рукой, закричал:

— Ребята, идите сюда — знакомиться со своим проводником и «ангелом хранителем»!

Матвей Остапыч, напоминающий... нет, не медведя, а эдакого сохатого с мощными ногами, пожал каждому из нас руку, пристально посмотрел в глаза и бесцеремонно оглядел с ног до головы.

— Здравствуйте, люди добрые! Добро пожаловать в Полесский государственный радиационный заповедник! Зовут меня Матвей Остапыч, но можно и дед Матвей. Одеты вы правильно: в защитную одежду не-темного цвета и крепкую обувь на толстой подошве. И дело не только в повышенном радиационном фоне, но и в опасностях, которых полон лес для городского, пусть даже и в хорошей физической форме человека. Из кузова машины вы мало что увидите, поэтому придется идти вглубь, а это вам не прогулка по городскому парку. Кто у вас главный? Шаг вперед!

Доктор Бертъе, одетый сегодня, как и все, в летнюю полевую форму, поправил козырек кепки-немки и вышел вперед:

— Доктор Андрэ Бертъе — руководитель экспедиции. Все члены группы в той или иной степени говорят и понимают по-русски и по-

² Зиверт — единица измерения эффективной и эквивалентной доз ионизирующего излучения. Величина естественного фона Земли — 0,01 мкЗв/ч. Средняя величина естественного фона земли на территории Белоруссии после аварии на ЧАЭС — 0,1 мкЗв/ч.

французски, но я и мой ассистент доктор Надежда Сушкевич будем переводить по необходимости.

Остапыч критично осмотрел вверенное ему войско и обратился ко всем:

— Слушайте внимательно! А ты, дочка, переводи! Это важно! — кивнул он Надежде. — Командир здесь я, и слушаться меня во всем. Громко не разговаривать и не курить. Если скажу «ложись» — ложитесь, если скажу «замри» — замрите. Воды питьевой возьмем литров десять, пьем и умываемся только ею. Огонь не разводим ни при каких обстоятельствах, мусор собираем в пакет, пищу греем на спиртовке. Места здесь непростые, с норовом. Зверье человека не знает, непуганое. Люди здесь нагадили и ушли почти двадцать лет назад. Точнее, земля не выдержала пришельцев — людей — и выгнала нас отсюда. Для человека здесь зона отчуждения, боль, страх, а для природы и зверья всякого — Чернобыльский рай, поэтому тихо здесь и благостно по-особенному. И мы здесь с вами гости, вежливые и предупредительные, а не хозяева. По-французски не размауляю, а вот по-русски, по-белорусски и по-польски, кали ласка. Побудем немного здесь, на территории контрольно-пропускного пункта «Бабчин» — на границе миров, приспособимся, познакомимся поближе. Запомните: с этого момента вы никогда не будете прежними. Изменится не только ваше мироощущение, но и миропонимание. Спросите себя, готовы ли вы к таким переменам. Пока не поздно — можно вернуться в гостиницу. Какие есть ко мне вопросы? Наступила такая тишина, что слышно было, как мошки зудят. Как вернуться? Зачем? Моих предков смела с этой земли сто лет назад Русская революция, но они хранили язык, обычаи, воспоминания, воспитывали каждое последующее поколение с верой в то, что мы обязательно вернемся. И я никуда не уйду, я пришел, чтобы измениться!

Надежда наклонилась ко мне и шепнула:

— Фокус камеры на проводника!.. Готов?

— Да, у меня есть вопросы, Матвей Остапыч! Хотелось бы снять ваше небольшое интервью перед началом экспедиции!

— Раз уж согласился вас сопровождать — валяйте: у вас своя работа, у меня своя, — ответил проводник, пристально глядя на Надежду, как будто пытаясь вспомнить что-то давно забытое.

— Вы местный, дед Матвей, или приехали откуда?

— Я местный, полешук — где родился, там и сгодился. Полесье — болотистый край. Зимой живу в Хойниках, а летом — на заросших каналах, в деревне Погонное, в самом центре зоны отчуждения, километров пятнадцать отсюда. Ее еще Полесской Венецией раньше называли. Дома там на сваях строили, на лодке по каналам выходили в Припять.

Теперь вода ушла, реки ведь тоже меняются, каналы никто не роет и не чистит. В этом селе я один — выселили всех еще в мае восемьдесят шестого. Вокруг обитают болотные черепахи, змеи, на крепкой чердачной балке соседского полуразрушенного дома филин устроился, никакая рысь его там не достанет! Хитрец! Глаза ярко-оранжевые, уши торчком, как начнет хохотать — так сам насмеешься до слез. Цирковой клоун так смешить не умеет. А в конце улицы, в сарае, разместились дальние родственники филина — совушки.

Все собрались вокруг нашей группы, рты разинули, слушали Остапыча не дыша, и только месье Юркевич куда-то запропастился.

— Обалдеть, а я вот всю свою жизнь считал, что филин — это самец, а сова — это самка одного и того же вида птиц! — удивился услышанному мой коллега Мишель Дризеэ.

— Как дети малые! — рассмеялся наш проводник. — Филин — это огромная птица с размахом крыльев в полтора метра. Яркая и красивая. Сама рыжая, а глаза огненные и горят в темноте, как два шара. Сова же птичка средненькая и серенькая.

— *Ca va! Ca va!* — повторил по-французски Мишель Дризеэ и помахал поднятой рукой в знак приветствия.

— Очень приятно, тебя зовут Сова, а меня — Матвей Остапыч! Хорошее имя, у меня был напарник с позывным «Сова», — с теплотой в голосе ответил наш проводник.

— «*Ca va*» — очень часто встречающееся во Франции выражение, которое переводится на русский язык как «все нормально». Оно может использоваться как вопрос и как утверждение, — объяснил сложившуюся комичную ситуацию доктор Бертье.

Остапыч заулыбался, похлопал по плечу покрасневшего, как вареный рак, Мишеля и сказал:

— Все будет хорошо, парень! А к совам ты присмотришь, присмотришь!

Далее Матвей Остапыч стал серьезным и поведал нам, что электричества в отселенных деревнях нет, когда-то они от Чернобыльской станции питались. От Погонного станция — рукой подать, километров двадцать по прямой. Ночью, как зажгут энергетики огни, «торт» саркофага так и светится среди мрака тридцатикилометровой ночи, как будто корабль инопланетный приземлился на болота. Зато теперь на уже неэлектрических столбах высятся гнезда орлов-белохвостов. Красивая пара — орел и орлица, взлетят и парят в небе: здоровущие такие, гордые плывут на ветру. И птенцов у них в заповеднике по четверо, что в двое превышает норму. Вот только буслов нет, белых аистов. Не могут жить аисты без людей — видно, счастье некому приносить. Зато в глу-

хих местах заповедника, внутри самых мощных и ветвистых деревьев, появились гнезда черных аистов — большой такой птицы в темном фраке, с огромным красным клювом. Природу не обманешь: на месте горькой полыни и аист должен быть черным.

Остапыч, как кот Баюн из сказки, плел кружева, а мы внимательно слушали про давно забытый и потерянный за городской суетой огромный и такой неведомый для нас мир природы. Или, как сейчас модно стало говорить, мир дикой природы, или той части флоры и фауны, которую люди еще не «облагородили и не окультурили».

— Так что, ребята, где-то пойдём тихо, а где-то шуметь будем. Зверья много, по их тропам и двинемся. По лесу идти трудно, подлесок везде молодой: папоротник, орешник, черничник, вереск. Надо руки вверх будет держать, а у вас аппаратура съёмочная, да и обзора в зарослях никакого. Ничего, кроме листьев и сорок с малиновками, не снимете. Двинемся кабаньими и лошадиными дорогами. Но помнить надо, что звери и птицы здесь днем охотятся, а я-то всю жизнь, старый, думал, что филины, совы, волки, кабаны — ночные хищники, лишь теперь понял, что ночью они охотились, потому что мы, люди, день у них забрали. Как начнет филин ухать низким хриплым голосом да разбросит свои крылья метра на два, летит низко, невольно на землю падаешь, замираешь. Схватит черепаху или змею — и обратно, в гнездо. А если коршун или сокол увидит блеск от очков или объектива, то и поранить человека может сильно. Соколиная охота — штука серьезная, иногда и человек становится добычей. Настоятельно рекомендую: все блестящие предметы с себя снимите, и осторожней с нагрудными персональными камерами и дозиметрами.

Мне стало немного не по себе, да и остальные нервно начали сглатывать слюну, а Александр Капнист быстро снял свои зеркальные очки от солнца, спрятал их в нагрудный карман и прошептал мне на ухо: «Теперь понятно, почему этот длинный очкастый профессор со странным именем Ву остался в номере, сославшись на срочную работу».

— Шучу-шучу, не падайте духом, — сменив гнев на милость, заулыбался Матвей Остапыч. — Был здесь у нас случай: утащил сокол у орнитолога бинокль, поранил ему прилично лицо и руки. Пришлось санитарный вертолет вызывать. Так что, если серьезная птица какая-то будет у вас что-то вырывать, отдайте сразу — здоровее будете. Обжило зверье человеческое жильё в зоне, тепло ему, уютно. Правда, в последнее время уходить начали из заброшенных строений. Ветшает все, становится опасно, проваливаются звери. Здесь почти сто сел пустых. Теперь мы так и зовём их: деревня медведей, деревня волков, деревня рыси, деревня лошадей, деревня зубров. Да вы сами, если повезет, увидите.

Егерь замолк и явно намеревался двинуться к вездеходу. Надин поняла это, прижала руки к груди и взмолилась:

— Матвей Остапыч, ну какое это интервью — о себе вы практически ничего и не рассказали!..

А я подумал, что Надежда чего-то очень сильно боится и оттягивает начало нашей поездки. Остапыч нахмурился, но потом сквозь морщины прыснуло радостное солнце улыбки.

— Хорошо. Разве можно отказать единственной здесь даме? О себе, так о себе... — с неожиданной для егеря галантностью произнес он, но глаза его при этом потускнели, как будто подернулись пеплом. — Человек я удачливый! За три дня до аварии на Чернобыльской станции на пенсию вышел, уволился. Проработал я там десять лет в пожарной охране. Служба была отличная: сутки дежурство — трое дома. Охота, рыбалка, хозяйство свое, огород. Красотища — живи и радуйся. Город Припять снабжался получше Москвы и Киева, все там было. Мы, местные жители, счастливы были, что у нас такая замечательная станция рядом. До Хойников по разбитым дорогам часа два надо было ехать на автобусе, а на моторной лодке переплыл старое русло Припяти — и ты в городе. Когда-то здесь даже мост был, но партизаны батьки Ковпака во время одного из своих рейдов то ли в сорок втором году, то ли в сорок третьем взорвали мост, а советская власть так и не восстановила. Немцам мост не достался, а нам, полешукам, и вовсе он ни к чему!..

Неожиданно Матвей Остапыч озорно улыбнулся и, как десятилетний мальчишка, стал рассказывать о том, что на речном вокзале в городе энергетиков Припяти продавали самое вкусное в мире мороженое и что отсюда судно на подводных крыльях «Ракета» или «Метеор» могло домчаться до Киева за два часа. Так что в столице Украины местные жители бывали намного чаще, чем в Хойниках и Гомеле. Повествование егеря напоминало бусы: черная бусина — тягостный рассказ, белая — светлый и радостный.

— Итак, проводили меня ребята-пожарные, как пишут в газетах, на заслуженный отдых и на память часы подарили марки «Слава». Больше я друзей своих в живых не видел. В ночь, когда авария произошла, было их дежурство. Огонь на крыше четвертого энергоблока тушили мои пацаны. Погибли потом все — кто в московской больничке, кто в киевской, а кого и не довезли вовсе. А я — живой!.. — Матвей Остапыч запнулся, помолчал. — Вот и остался я этой земле служить, грехи замаливать.

— Все! Остальные разговоры позже, а то весь день проболтаемся на КПП. Федор! — обратился Остапыч к появившемуся наконец-то с чемоданчиком в руках доктору Юрьевичу. — Надеюсь, все необходимое взяли? Воду, аптечку, а главное — рации, нагрудные камеры и ракетни-

цу, чтобы сигнал о помощи подать, если что. Едем к старому контрольно-пропускному пункту «Майдан», за которым и начинается непосредственно тридцатикилометровая зона...

Я снял камеру с плеча и хотел задать вопрос, который звучал в моей голове сотни раз с тех пор, как появилась надежда, что попаду в заповедник, но егерь меня опередил.

— Вначале двинемся к отселенному селу Рудаков, где свернем чутка в сторону и остановимся у замка Ваньковичей. Здесь рукой подать — пара километров. Зверья там много: белки, зайцы, птицы, лисы. Фон для съемки отличный — развалины, проросшие молодняком. Обзор хороший. Но причина для остановки не только в этом. *Dzień dobry, pan Wańkowicz!*³ Добро пожаловать на родину предков!

Сердце мое бешено застучало, ладошки вспотели. *Matka Boska*, Александр Капнист успел перехватить камеру, а то была бы груда дорогих осколков.

Девять человек, включая водителя и проводника, разместились в машине МЧС.

Справа потянулась крепкая деревянная изгородь, за которой растелился ковром луг с сочной травой и разбросанными разноцветными капельками цветов. Слева замелькал звонкий молодой лес.

— Это луг конефермы. Слева — корпуса, где работают биологи, изучающие влияние радиации на живую природу. Конеферма и пасека — это их хозяйство.

Я невольно залюбовался пегими в яблоках и гнедыми красавцами на сильных стреноженных ногах. В начале прошлого века у прадеда в этих местах был конный завод на двести лошадей. И выводил он свою породу — полесскую упряжную. На болотах без лошадки никак, а эти упряжные с грузом могли пробежать пятьдесят километров без проблем. Сколько раз, листая альбомы, я любовался силой, мощью и красотой полесской лошади. Работоспособные, с добрым и покладистым нравом, долгоживущие — они были гордостью моего прадеда Станислава Ваньковича.

Как же я обрадовался, увидев породу лошадей моего прадеда на выставке в Клернон-Феранс. Во Франции упряжные лошади пользуются огромным спросом, поскольку являются незаменимыми на небольших фермерских хозяйствах, особенно на виноградниках. Выхлопные газы убивают вкус вина!

Сейчас полесская упряжная называется белорусской упряжной! Породы жива, несмотря на все войны и беды, выпавшие на долю этой зем-

³ Добрый день, пан Ванькович! (польск.)

ли, вот она — справа от меня на лугу, там же, где и сто лет тому назад! Животные мудрее нас: они не бегут с родной земли, чтобы выжить, хотя мучают их и истребляют люди даже поболее, чем друг друга.

Вездеход свернул с асфальтированной дороги, проехал метров пятьсот и остановился на открытой площадке среди живописных развалин из красного кирпича, через который проросли березки, орешник, елочки. Посреди этой поляны царствовал высоченный ясень, кряжистый, как полесская упряжная; ветки его росли низко, разлаписто. Не то что в парках и европейских лесах, где деревья стройные, крона высокая — бегут от земли и людей, которым все мешает. Чувствовалось, что ясень здесь — хозяин и центр своей маленькой вселенной! От него радиусами расходились подлесок, мох, молодые деревца. Столбы необычайно яркого и какого-то молочно-белоснежного густого света падали сквозь пышную крону дерева, создавая полную иллюзию величественного лесного храма. Если это храм, то какую молитву мне вознести богу природы? Я просил прощения у дерева за то, что так долго шел, стал рассказывать ясеню о своих предках, которых он, несомненно, видел и помнил. Тишина, наполненная гомоном птиц, встревоженных нашим появлением, взорвалась и проникла в каждую клеточку моего тела.

Как гром с ясного неба раздался голос Остапыча:

— Панове, прошу быть внимательными, идем за мной к замку. Пан Ванькович, вы идете рядом со мной. К автомобилю без меня не возвращайтесь! Заповедник наш понастоящему охраняют не колючая проволока и патрули, а рыси. Сейчас их четыре, так что одна из них вполне может прийти познакомиться и посмотреть, кто это пожаловал. А уж пустит рысь нас в тридцатикилометровую зону или нет, станет понятно после контрольно-пропускного пункта «Майдан».

Надин после рассказа Остапыча про рысь вдруг сильно побледнела, вскрикнула, и если бы доктор Андрэ Бертье ее не поддержал, то, скорее всего, упала бы в обморок. Она глубоко и шумно дышала.

— Что, дочка, рыси боишься? Не бойся, я с этим зверем умею разговаривать, так что не тронет она тебя. А потом... свой своего не трогает...

Впереди виднелось двухэтажное здание с огромными окнами на первом этаже и небольшими на втором, как будто на нарядный первый этаж барочного дворца позднее навалили второй, не заботясь уже о красоте и стиле. Справа высилось еще одно царственное дерево, за ним второе, третье, и я понял, что это остатки знаменитого парка и эти деревья высаживали еще мой дед и прадед. Я читал письма тети Кристины. Она была здесь последней из Ваньковичей в сорок третьем году с одним из отрядов Армии Крайова, которая, как и советские партизаны,

сражалась против фашистов в этих местах. Кристина Ванькович погибла во время Варшавского восстания... Да, почти всех моих родственников не стало во время Второй мировой войны...

Коллеги что-то говорили мне, тормозили, но я ничего не слышал. В висок стучала только одна мысль: «Сколько времени я смогу пробыть здесь? Успею ли посмотреть все?»

И тут Матвей Остапыч взял меня за плечи, встряхнул и негромко, но четко произнес:

— Господа! Предлагаю оставить пана Ваньковича в маентке. Я думаю, ему есть чем здесь заняться, а обеспечивать его безопасность попросим доктора Юркевича. Мы же с вами отправимся дальше по направлению к Погонному, откуда прогуляемся вглубь заповедника. Пан Ванькович, вам четыре часа хватит?

Как же я был счастлив и благодарен этому мудрому человеку! Вся команда уехала, а я, зажмурив глаза, так и стоял в храме ясеня, слушая шелест его листы, пение соловья, вдыхая пряный аромат прошлого.

Федор Стратонович отошел в сторону, стараясь мне не мешать. Через какое-то время, собравшись с духом, я подошел к замку и прикоснулся к нему, как к близкому родичу. На подоконнике в проеме окна лежал клинкерный кораллового цвета кирпич с клеймом завода Ваньковичей — большой латинской буквой «W». Я погладил его, как старого друга: «Прости, дружище, но тебя взять с собой, скорее всего, из-за радиации нельзя».

Руины с окнами, украшенными пилястрами, — вот все, что осталось от времени нарядных дам в кринолинах и мужчин в мундирах с эполетами и фраках. В поместье гостило много известных людей того времени: писатели, просветители, политические деятели, меценаты, инженеры. Прадед — Станислав Александрович — был русским офицером, депутатом Государственной Думы. Дед — Станислав Станиславович — позднее стал сенатором II и III созывов Польской республики.

Сейчас это богом забытое место, в прямом смысле медвежий угол, куда можно попасть только по спецпропуску, а сто лет назад полесские упряжные за два часа довозили бричку до пристани на реке Припять, где стоял прогулочный и охотничий пароход Ваньковичей. На пароходе до Киева было ходу часа три, а там на поезде хоть в Санкт-Петербург, хоть в Варшаву, хоть в Париж. Дед был талантливейший инженер — построил в Рудакове дороги, кирпичный, спиртовой, маслосырный заводы, лесопилку, ремесленное училище, школу.

Время как костяшки на счетах. Век вычитаем — и вокруг руины родного дома. Разрушен родовой замок, да и слава рода Ваньковичей померкла, впрочем, и самого рода почти нет...

В бальный зал с высоченными потолками сверху струился невозможно яркий свет. Обрушенные балки словно шлагбаум. Обратной дороги нет!

Как же я, профессиональный кинооператор, не заметил этого раньше? Балки и стены внутри замка не отбрасывали теней! Разрушенные залы не вызывали чувства досады и отвращения, как это обычно бывает при посещении брошенного или разоренного человеческого жилья, корпусов фабрик, ферм, складов! Кого сегодня удивит раскуроченным, с ржавеющим оборудованием заводским корпусом? Никого! Сыро, вонь, смрад...

Стоп! Я понял, понял! Здесь было необычно чисто! Как будто кто-то выбелил и отмыл каждую балку, каждый кирпич, каждую обрушенную стену! Даже горы цемента были похожи на нежнейшую муку, хоть хлеба замешивай! Пахло свежестью и цветами, которые не просто придавали этому хаосу очарование, а посылали некий сигнал о том, что эта земля излечивается, восстанавливается и делать здесь человеку нечего!

Я опустился на порог и стал просто смотреть на игру света. И в этой фантазмагории я видел лица и фигуры своих предков, слышал их голоса, шуршание платьев, смех, вдыхал тончайший запах духов... Ощущение блаженства и невесомости... Я как будто смотрел стереоскопический фильм... Молодой человек в костюме для верховой езды вверх по лестнице увлекал почему-то упирающуюся и феерически красивую даму в голубой амазонке, а та, смеясь, пыталась кокетливо от него отбиться тонким хлыстом.

Ба, да это мои предки! Вдруг из этой живой плазмы появился огромный рыжий пес с вытянутой мордой и длинным пушистым хвостом и положил голову ко мне на колени. Я перебирал руками огненную шерсть этой собаки, нет не собаки — это был огромный лис... И мы мчались среди звезд... к центру мироздания.

Холодная вода хлестала мне в лицо, кто-то бил по щекам и тряс за плечи. Я открыл глаза — надо мной стоял месье Юркевич и орал:

— Пан Ванькович! Месье Поль! Очнитесь! Что случилось? Я засмотрелся на новое логово волчицы. Взглянул на часы и ужаснулся! Время в зоне не мчится — его здесь просто совсем не ощущаешь!

Я хлопал глазами, не понимая, о чем говорит Юркевич. Страшно хотелось пить.

— Почему вы не сообщили по рации, что вам нужна помощь? Пейте, пейте! Вы можете встать? Обопритесь на меня.

Федор помог мне подняться; голова здорово кружилась, руки-ноги дрожали, от холода бил озноб. Ощущение было как в детстве, когда меня, тонущего, вытащили из реки.

До сознания, как после контузии в Ираке, еле пробивались слова волковеда:

— «Бабчин», вызывает Федор Юркевич! Нам срочно нужна машина к усадьбе Ваньковичей для эвакуации пострадавшего француза. Вызывайте на КПП «скорую помощь» из Хойников!

В рации раздался треск и мужской голос ответил:

— Федор, это Макарыч! Машина для эвакуации будет через двадцать минут. Что случилось?

— Пан Ванькович надышался воздуха зоны!

Поддерживаемый зоопсихологом, с горем пополам я доковылял до громадного ясеня.

— Обними дерево, Поль! Обними, обними! Тебе станет легче! Много энергии потерял — восполнить надо! Замок твоих родственничков — место коварное. Вампирище еще тот!

Кора ясеня была теплой, я согрелся, дышать стало легче, сердце перестало замирать и ухать в яму, уши начали воспринимать пение птиц и шелест листьев. Заметно посвежело, ветер трепал мои волосы, и я опять ощутил твердь под ногами...

Подрулил внедорожник, местные его называли «Нива», я плюхнулся на переднее сиденье, ощущая себя уже практически здоровым.

На КПП нас ждала белая машинка с красным крестом, и, несмотря на все мои протесты, местный эскулап уложил меня на носилки, сделал электрокардиограмму и поставил капельницу. Врач скорой помощи хотел отвезти в госпиталь, но я взмолился и, благодаря заступничеству Федора, был доставлен в свой номер в гостинице «Журавинка», дав честное слово отлежаться пару дней и не ездить в заповедник.

Проспав почти сутки, я написал этот опус.

Комментарии

Доктор Николас Ву:

Похоже, заповедничек имеет аномальные пространственно-временные зоны. Как они влияют на человека? Интересно, есть ли у местных егерей карта таких мест?

Доктор Андрэ Бертъе:

То, что в заповеднике есть аномальные пространственновременные зоны, мы знали из рассказов доктора Юркевича. Думаю, карту он поможет нам составить. Важнее другое! Оказалось, что такая аномалия смогла возбудить глубинную родовую память Поля и его «ментально-эмоциональное» тело!

Доктор Николас Ву:

Если честно, я даже предположить не мог, что Поль сможет вступить в контакт с тотемным животным своего рода — лисом. Родовой герб и легенды — это одно, а видения Поля, запись параметров его мозговой, энергетической и мышечной активности — совсем другое! Я считаю, что его необходимо исключить из контрольной группы и запретить ему дальнейшие походы в зону.

Доктор Андрэ Бертъе:

Да, слишком много сил потерял парень при контакте, надеюсь, он восстановит их быстро. Главное сейчас — провести детальное исследование его генома на предмет наличия дефектных генов.

Надежда Сушкевич:

Вот именно, срочно надо провести исследование на наличие у Поля генов, способных при определенных обстоятельствах вызывать заболевания нейронов человека. Ведь насколько я понимаю, по вашей гипотезе, именно заболевание мотонейронов спинного мозга человека является одним из условий для выброса его «эмоционально-ментального» тела в физическое тело животного.

Доктор Андрэ Бертъе:

Геном каждого участника эксперимента тщательно исследовался и не один раз, но повторное исследование месье Ваньковича обязательно. Хотя я абсолютно уверен, что Поль здоров и никаких дефектных генов моя лаборатория пропустить не могла. Но из дальнейшего эксперимента его необходимо исключить, поскольку мы мало понимаем, с чем столкнулись в данном конкретном случае. Здоровье и жизнь человека дороже научных открытий несмотря на их ценность для человечества.

Поль Ванькович:

Месье и мадам! Я проснулся, написал опус, после прочтения которого вы так возбудились. Чувствую себя обновленным Гераклом! Внимательно изучил ваши комментарии. Поразмышлял и готов встретиться снова с рыжей бестией лисом! Можете на меня рассчитывать. Мир без теней — это мечта каждого кинооператора! Такому сюру, какой я видел в бальном зале Ваньковичей, даже Сальвадор Дали позавидует!

Надежда Сушкевич:

Поль, ты смелый и отличный парень, но для тебя поход в зону перестал быть приключением. Отдыхай пока. А там видно будет.

Пост 3.

Сон, чемоданчик, Петрович и кинокамера

6 июня 2006 г.

Федор Юркевич

Черная туча с седыми, рваными краями, севшая, как на насест, на навигационную башню, медленно накапливала силу, готовая ринуться на раскинувшуюся перед ней взлетную полосу Минского аэропорта. Казалось, дождь, как разъяренная квочка, вот-вот бросится на незащитное притихшее здание аэровокзала, жмущиеся друг к другу самолеты «Белавиа» с серыми крестами на фюзеляжах и наш микроавтобус, трусливо ожидающий своей участи.

Наступила тишина, все замерло. И именно в этот момент на горизонте показался вождеденный лайнер. Выпущенные шасси, пробежка, остановка винтов, спуск трапа, проверка погранслужбы — и я держу в своих объятиях улыбающегося, чертовски хорошо выбритого и благоухающего солнцем и морем Ниццы своего старинного друга профессора Андрэ Бертье.

Почти двадцать лет мы готовились к этому походу в Полесский радиационный заповедник, но звезды сошлись только сейчас. Точный расчет, анализы, подбор участников, оборудование — тело эксперимента. А душа его — это звезды. Я доверяю звездам, они постоянны. Даже если взорвутся, то свет катастрофы дойдет до нас через сотни лет.

Профессор Бертье со своей рыжеволосой ассистенткой Надеждой, длинный и согнутый, как вопросительный знак, доктор Ву и трое операторов французского телеканала TFC, похожие больше на военных, чем на служащих концерна братьев Люмьер, загрузились в ожидавший их автотранспорт. Весь путь от Минска до Хойников ваш покорный слуга развлекал французов триллером под названием «Ужасы Чернобыльской зоны» и даже пытался снять напряжение от своих рассказов у гостей, напоив их сбитнем и попотчевав царской ухой. Разместив всех в гостинице города Хойники с непереводаемым фольклорным названием «Журавинка», я упал на кровать в своем номере и провалился в сон.

...Трещина побежала, встав на гусиные лапки, потом раздался стон, громкий, хриплый стон остатков стены замка Ваньковичей в Рудакове. Коралловые кирпичи с вдавленным клеймом «W» полетели в разные стороны. Стены бальной залы замка сложились за мгновение, за мгновение длиною в чью-то жизнь — из-под груды кирпичей и балок торчали познавшие камни и грязь дорог рыжие берцы с двумя пряжками на голенище и лисий хвост...

Резкий звук, похожий на сирену скорой помощи, вырвал меня из этого ужаса. Господи, так это был сон! Мой телефон вибрировал и подпрыгивал, как волчок, на тумбочке.

Поднимаю трубку и слышу недоуменный голос Андрэ Бертье:

— Bonjour! Федор! Ты где пропал? Восемь утра, мы ждем тебя на завтраке. Или что-то случилось, и наши планы меняются?

— Прости, Андрэ, проспал, буду через пятнадцать минут. Все идет по плану.

Воздух здесь, как кислородная подушка, сознание проясняется и ты, как будто выходишь из наркоза, возвращаешься словно с того света. Через четверть часа я уже сидел за столом и наблюдал, как мои французские друзья уплетали драники со сметаной, деревенскую яичницу с салом, задорно хрустели молодой редиской и темно-зелеными перьями лука. Плетеная корзинка с утренней выпечкой, вазочки с повидлом и тарелка с сыром сиротливо стояли без всякого внимания.

И все же рыжие берцы из сна не давали мне покоя. Я даже нарочно уронил вилку и полез под стол. Все мужчины были обуты в армейскую обувь, и только у одного были винтажные, коричневые, с пряжками ботинки солдата французского легиона, и они были на ногах Поля Ваньковича.

Все сходится. Неужели это был сон-предупреждение? Надо поговорить с Андрэ, рассказать про ночной кошмар и, возможно, даже отменить сегодняшнюю поездку в заповедник! А завтрашнюю, а послезавтрашнюю?.. А может, вообще закрыть эксперимент, так и не начав его?..

Стоп, надо прекратить панику, успокоиться и постараться подготовиться к экстремальной ситуации. Я сел на стул, налил себе чашку кофе и задумался, наблюдая, как солнечные зайчики играли в салочки в пышной короне золотых волос Надежды Сушкевич, соскальзывая на пузатый кофейник и столовые приборы.

— Mes'ye, я сегодня видела во сне сказочный замок и охоту! Только не совсем поняла, за кем гнались все эти панове — за оленем, рысью или, может быть, огромным рыжим лисом? — отхлебывая с наслаждением кофе маленькими глотками, проговорила Надин.

— Я думаю, что после вчерашних неожиданных откровений месье Поля каждый из нас видел во сне лиса с герба рода Ваньковичей, — рассмеялся доктор Бертье. — Но надо торопиться, чтобы к девяти успеть на встречу с нашим проводником.

Тишина заложила уши плотным куском ваты, кроны деревьев неподвижны, как правда. Мы загрузились в ЗИЛ МЧС и двинулись через Стреличево к контрольно-пропускному пункту «Бабчин», где я познакомил всех со своим старинным другом и учителем, егерем Полесского

радиационного заповедника Матвеем Остапычем. Чувство несделанного и непонятого чего-то важного не покидало, и я решил, пока Остапыч развлекает французов байками о заповеднике, метнуться в научный корпус института радиологии за чемоданчиком для неотложной медицинской помощи. Вес небольшой, а мне будет спокойней.

Кратчайший путь к небольшому трехэтажного корпусу филиала Гомельского института радиологии лежал через лабораторные заросли различных растений и сельскохозяйственных культур для научных и селекционных исследований. Еще издали я увидел небольшое стадо оленей, с аппетитом поедающее мощные, сочные перья лука; изумрудные листья и оранжевые цветы огуречных лабораторных грядок; переломанные и вытопанные разлапистые помидорные кусты и разбросанные, выкопанные клубни бордового редиса размером с куриное яйцо. А у невысокого поваленного штакетника, когда-то защищавшего огород от мелких грызунов, мирно сидели и наблюдали за этой сценой огромный одноглазый черный кот, рыжая лиса и толстая полосатая кошка, больше похожая на карликового тигра. Напротив стоял небольшого роста кругленький мужчина в голубом халате, с безнадежно прижатыми к груди руками и грустным лицом. Это и был местный завлаб Николай Григорьевич Дринович, к которому я так спешил. Ошарашенно глядя на это безобразие и с трудом сдерживая смех, я подошел к нему, протянул руку и выдохнул:

— Здравствуй, Николай Григорьевич! А что ты невеселый такой? Или случилось что?

— И тебе не хворать, Федор Стратонович, и не спрашивай, что случилось — сам все видишь. Был огород — и нет огорода. Прощай моя докторская диссертация, уничтожен мой труд последних пяти лет.

— Как это нет?

— А вот так! Сегодня рано утром стадо из восьми оленей прорвалось через колючку тридцатикилометровой зоны, повалило ограждение вокруг лабораторных посадок, добралось до моих экспериментальных грядок и практически съело — а что не съело, то затоптало — все грядки селекционных помидоров, бобовых, огурцов, лука и редиса. И выгнать их отсюда никто не может. Начальник охраны предлагал начать стрелять в воздух, но я был против этого. Хотя сильнее всего меня ранило больно в сердце предательство Тигры. Да, женщины, что с них взять... все погубить готовы, все сжечь, собственницы, — говорил монотонно, смотря в одну точку, несчастный ученый.

— Подожди, Коля, Тигра — это полосатая кошка, которую вместе с четырьмя котятками я принес тебе из заповедника прошлой осенью? Да, я вижу ее, вот она сидит у забора в очень странной компании кота и лисы. А при чем тут женщины?

— Знаешь, Федя, я ведь котят ее выходил, кормил, лелеял, отдал всех в хорошие руки, а она привела в апреле этого одноглазого здорового Пирата, который даже в виварии пытался мышей передушить, а потом подружился с лисой и начал с ней охотиться на все, что движется. Две недели тому назад эта рыжая Патрикевна застряла в дырке, под сараем, куда повесили подсушиться свиной окорок, так Пират вырыл огромную яму, раздвинул доски, расширив дыру, и вытащил ее. А Тигре, конечно, неприятно, что у ее благоверного есть любовница-лиса.

— Коля, милый, — уже не стесняясь своего смеха и вытирая слезы, продолжал я эту комедию. — Ну, я, конечно, помню сказку о Буратино и о ее героях — лисе Алисе и коте Базилио, но в детстве они мне казались такими жуликоватыми друзьями, потом, уже во взрослой жизни, их образы затмили другие герои. А ведь ты прав: на любовников они тянут больше, чем на обычных воришек.

— Вот видишь, — с отрешенным лицом Гамлета продолжал диалог Николай Григорьевич, — а еще специализируешься на зоопсихологии. Тигра в состоянии крайнего аффекта привела через поваленную колючку оленей из заповедника. Сами бы они, без «козла-provокатора» Тигры ни за что бы не пришли на лабораторную делянку! Затем она открыла им калитку в штакетнике — не смотри на меня так, Федя, я сам ее этому научил. Еще всем хвастался, какая она у меня умная! Интересно, что лиса и кот пытались препятствовать проникновению оленей и задали Тигре серьезную трепку.

— Подожди, Коля, я сейчас выгоню рогатых с территории твоих экспериментальных посадок, — предложил я, устыдившись своего веселья. Затем повернулся в сторону разграбленного помидорного поля и завыл по-волчьи. Здоровенный самец олень поднял голову с могучими рогами, повернул ее в сторону волчьего воя, шумно втянул ноздрями воздух и рванул с места, как мотоцикл. За ним побежали четверо пятнистых оленят, с трех сторон подгоняемых и защищаемых самками. Невообразимой красоты животные ринулись через поваленный штакетник и скрылись в густом подлеске, тянущемся в сторону заповедника. Лиса непонятным образом растворилась в воздухе, как улыбка Чеширского кота; одноглазый Пират забрался на дерево, а Тигра подошла ко мне и начала тереться о ноги, ласково урча и вибрируя всем телом.

— Помнишь меня, Тигра? — сказал я кошке и осторожно погладил ее по спине. — Что же сейчас будет с котами, Коля? Ведь они ни в чем не виноваты, — попытался я встать на защиту усарых.

— Конечно, не виноваты, это я так шучу, — печально констатировал Николай Григорьевич, — репетирую отчет перед начальством на публике. Пытаюсь оправдаться и заполучить шанс остаться на должности старшего научного сотрудника без докторской ученой степени. Ты луч-

ше, чем кто-либо знаешь, что сельскохозяйственная деятельность на территории заповедника запрещена, поля не засеваются уже двадцать лет, и поэтому полевки, мыши и прочие грызуны стали настоящим бедствием для нашего маленького научного анклава на краю леса, они идут сюда толпами за легким кормом. Самой лучшей защитой от грызунов является защита естественная, то есть коты и лисы, а Тигра среди местных кошек — абсолютный чемпионом по ловле мышей. В некоторые дни она ловит до десятка полевков. Хитрее кошки зверя нет!

И я вспомнил, что сам стал невольной первопричиной сегодняшнего происшествия. Ведь эту мохнатую злодейку нашел я в лесу недалеко от отселенной деревни Красноселье. В конце октября прошлого года шел я проверить одно волчье логово и заметил дикую кошку, а по ее повадкам, по тому, как она меня заманивала, поджидала и уводила куда-то в сторону, я понял, что где-то рядом, по всей видимости, находятся ее котята. Немного осмотревшись, я обнаружил в старом волчьем логове под березой пять слепых пушистых комочков. Им, наверное, было несколько дней от роду. И два дня я жил рядом с этими котятами, кормил кошку и старался установить с ней контакт. Лишь после того, как мы с Тигрой — так я назвал найденную кошку — стали друзьями, я сложил всех котят в картуз, сунул их за пазуху, взял ее на руки и принес в лабораторный корпус. А буквально через пару дней пошли проливные холодные осенние дожди, и, по всей видимости, полосатое семейство не пережило бы эти рано наступившие холода.

Николай Григорьевич успокоился и припомнил, как из старой коробки сделал кошачий домик, где Тигра спала со своими малышами у лабораторной батареи. При этом кошка, несмотря на обилие домашней пищи и молока, как только заканчивала кормление котят, сразу отправлялась на охоту и притаскивала в лабораторию ежедневно десятки различных грызунов, птичек, молодых кротов, а однажды даже принесла гадюку. Вот этими потрясающими охотничьими способностями кошка и пленила сердце завлаба Николая Григорьевича, став его единственной любовью, за которую он готов был пойти в огонь и в воду.

Заметив, что я все время посматриваю на часы, Николай прервал поток своих бесконечных воспоминаний и сетований и спросил:

— А ты чего пришел, Федор? Али надо чего?

И я поведал Николаю Григорьевичу о группе французских кинематографистов, ожидавших меня вместе с Матвеем Остапычем на КПП «Бабчин»; о своем тревожном сне и попросил его одолжить мне до вечера чемоданчик для неотложной врачебной медицинской помощи.

Прижав к груди заветный чемоданчик, я побежал напрямик к желто-зеленому домику контрольно-пропускного пункта.

Успел вовремя. Вся группа уже загрузилась в наш вездеход: Доктор Бертые со своей ассистенткой Надеждой Сушкевич, трое кинооператоров. Матвей Остапыч стоял у подножки машины и махал мне рукой:

— Ты мне, Федор, прямо говори, зачем с группой пожаловал, если переводчик с французского из тебя, как из меня Мирей Матье?

— Хотелось бы очень рысь, Матвей Остапыч, увидеть, а ты рассказывал мне, что она в Михалевке часто бывает, — виновато склонив голову, ответил я ему.

— Знаешь, Федор, рысь — барышня капризная: если сама захочет — покажется, а если нет, то уж, извини, на нет и суда нет.

Барашки облаков мирно паслись на небесном пастбище. Ветерок гладил верхушки деревьев... ЗИЛ свернул с шоссе на грунтовую дорогу, что вела к развалинам усадьбы Ваньковичей, и остановился недалеко от огромного ясеня, в ветвях которого мелькнули кисточки ушей и два горящих глаза с узкими вертикальными зрачками.

Рысь — существо стремительное, чтобы перебраться из одного места в другое, ей надо времени не больше, чем мне произнести ее имя. Удивительно, но рысь пришла сам. Или кто-то ее позвал?

Матвей Остапыч принял неожиданное для меня решение: оставить Поля Ваньковича ностальгировать в родовом замке и меня вместе с ним для подстраховки. С Остапычем в заповеднике никто не спорил — он здесь командир и знает, что делает.

Все уехали, а Поль посмотрел на меня такими умоляющими глазами, что я сразу почувствовал себя человеком, которого застали врасплох у замочной скважины чужой двери. И я забыл свой тревожный сон, поставил чемоданчик рядом с кирпичной стеной замка и обрадовался возможности проведать волчье логово, до которого по прямой было не более двух километров.

«Сбегаю туда и обратно, займет чуть больше часа», — промелькнула у меня мысль. Тем более что я прихватил с собой корм для волчицы, не таскать же его с собой. Как чувствовал, что удастся вырваться!

Место, в котором молодая волчица обустроила себе логово, было не то чтобы глухим и удаленным — всего несколько километров от КПП «Бабчин», но его обходили стороной не только люди, а и практически всякое живое существо. На берегу небольшого, но очень глубокого озера высилась гряда валунов. Вода в нем была кристально чистой; рыба не водилась и водоросли не росли, и лишь эскадрильи стрекоз сражались между собой над его гладью. Старики сказывали, что это остатки древнего капища, где могучие колдуны наших пращуров-дреговичей вызывали дожди в засуху, принося животных в жертву русалкам, что, по преданию, жили в этом озере, поэтому оно и называлось Русалочьим.

Остатки этих языческих обрядов сохранились в восточном Полесье до сих пор. Каждый год в июне месяце в русальскую неделю в деревне Великий бор Хойникского района проходил обряд «Проводы русалки», в нем принимали участие, как правило, все жители от мала до велика. Облачаясь в праздничные, расшитые традиционными орнаментами одежды, люди плели венки, пели обрядовые песни и выводили в поле «русалку» (обычно это молодая девушка в венке и одежде из цветов), прыгали через костры и водили хороводы.

Вот к этому нагромождению камней, напоминающему по своему очертанию курган, я и направился. Здесь волчица-альбинос обустроила себе логово и родила в конце апреля восьмерых волчат. Животные-альбиносы — большая редкость в природе, и живется им очень трудно. Это для человека белоснежная с голубым отливом, со сверкающими в лунном свете рубиновыми глазами волчица — героиня многих легенд и просто красавица! А для сородичей-волков она совсем не привлекательна: чем ярче окраска самки, тем больше у нее кавалеров. Зверь-альбиносы физически слабее, чаще болеют и, как правило, изгоняются из стаи.

Я осторожно подкрался к логову с подветренной стороны. В сухой неглубокой пещере попискивали крупные для своего шестинедельного возраста волчата. И если бы я не знал, что их мать — волчица-альбинос, то я бы решил, что это щенки крупной собаки: лобастые, вислоухие, с внушительными черными головами и спиной, белой грудью и лапами. Передо мной были маленькие Петровичи. Никаких сомнений, даже без генетического анализа, у меня не было, что отцом этих волчат и партнером белой волчицы являлся наш пес Петрович. Так вот куда он уходил каждую ночь из своей будки на КПП «Майдан» и куда таскал свою еду! Я занялся делом: заменил карты памяти на фотокамерах, измерил волчат, ввел им под холку специальные чипы. Корм, который я принес, щенки лопали с удовольствием и даже дали почесать мне свои пузики. А когда человек занят любимым и интересным делом, часы спрессовываются в минуты.

К реальности меня вернул знакомый лай. Я обернулся — у входа в пещеру стоял Петрович и отчитывал меня за внезапное вторжение на чужую территорию. Медленно подойдя к псу и показав ему пустые, открытые ладони, я спокойно и ласково произнес:

— Поздравляю, Петрович, у тебя отличные малыши. Извини, что беспокоил. В следующий раз обязательно спрошу у тебя разрешения.

Что интересно — волки никогда у логова не нападают на охотников или на того, кого они считают сильнее себя. Для них жизнь взрослого зверя важнее, чем детеныша.

Нужно было как можно быстрее возвращаться. Я посмотрел на часы: они показывали, что я вышел из замка Ваньковичей всего тридцать минут тому назад, но я знал, что могло пройти и несколько часов, поскольку русалки извечно славились тем, что заманивали людей и лишали их чувства времени. В районе озера была аномальная пространственно-временная зона, в которой время текло по-особому, да и стрелка компаса крутилась как сумасшедшая. Пока я бежал к замку, перед моими глазами высились остатки его стен с множющимися гусиными лапками трещин, облаком мучной чистейшей пыли, с летящими шрапнелью кирпичами, засыпающими рыжие берцы с пряжками на голенищах.

В провале стены замка, через который внутрь проник Поль Ванькович, я обнаружил оставленный мною чемоданчик. Но Поля внутри бальной залы не было. Я начал его искать и кричать:

— Поль, месье Ванькович, где вы? Отзовитесь?

«Отзовитесь, отзовитесь, отзовитесь...» — ответило мне эхо.

За моей спиной раздался собачий лай. Петрович, видимо, не поверил мне и решил проводить.

— Иди сюда, иди, мой хороший, — позвал я собаку и похлопал себя по бедру.

Пес осторожно подошел и сел передо мной.

— Петрович, помоги мне, найди человека! Ищи! Ищи!

Собака побежала внутрь полуразрушенного здания, и через несколько минут из дальнего угла раздался ее призывный лай. Пес сидел у обрушившейся балки, из-под которой торчали рыжие ботинки. У меня внутри все похолодело.

— Поль, Поль, месье Ванькович! — позвал я, но мне вновь ответило лишь эхо.

Петрович повернул ко мне свою лобастую голову, лег на брюхо и пополз под завал, откуда почти сразу же залаял, как будто призывая меня на помощь. Я на четвереньках последовал за псом.

Поль лежал, сложив руки на груди, а обрушившиеся балки, падая, застряли в кирпичных выступах, образовав некое подобие саркофага, внутри которого и находился наш французский друг. Дыхание у Поля было поверхностным и хриплым, почти как у пса, лежащего рядом с ним.

«Жив, — промелькнуло у меня в голове. — Что произошло? Инфаркт? Инсульт? Не похоже! Черепно-мозговая травма? Тогда откуда такое дыхание? Стоп!» Замок Ваньковичей находился в аномальной пространственно-временной зоне, следовательно, француз потерял слишком много сил, а потом и сознание, а балки, похоже, обрушились уже после этого... Значит, кома, гипогликемическая кома! Это лучший вариант из того, что могло случиться! Но надо спешить. Мне удалось осторожно и

быстро вытащить Поля из-под балок. Я открыл свой чемоданчик неотложной помощи, достал глюкометр, на монохромном табло загорелась цифра «1,4». Моя догадка подтвердилась. Все-таки родной Минский медицинский институт давал хорошее врачебное образование, а десятилетний опыт работы на «скорой помощи» — кормилице всех врачей — был сейчас бесценен. Я набрал в шприц раствор концентрированной глюкозы и ввел его в локтевую вену Поля.

Лучше всех попадают в сосуды и делают различные манипуляции ветеринары и примкнувшие к ним зоологи типа меня, поскольку делают они это по наитию. Редко какой врач или медсестра смогут ввести лекарство в паутинки сосудов уха кролика, вену лапки котенка или в спавшиеся сосуды человека в глубокой гипогликемической коме.

Полю розовел на глазах. Дыхание его становилось более глубоким, пот на лице высох. Он открыл глаза и стал осматриваться по сторонам. Потом поднял руки, потянулся и начал глубоко зевать. Было такое впечатление, что человек глубоко спал и видел приятный сон, а его взяли и грубо разбудили.

«Сейчас начнет ругаться», — мелькнуло у меня в голове.

И действительно, зевая так крепко, что можно было вывихнуть челюсть, месье Ванькович начал ругаться отборным русским матом, выражая крайнюю степень своего недовольства тем, что его разбудили. А я сидел напротив Поля на корточках и блаженно, счастливо улыбался под радостный лай собаки, зная, что при выходе из гипогликемической комы пациенты всегда чудят, ругаются, а иногда даже машут кулаками.

Потом я помог встать месье Ваньковичу на ноги, и мы доковыляли до Иван-ясеня, как все старожилы называли этого могучего столетнего гиганта. Я прислонил Поля к дереву, чтобы он не упал, и посоветовал обнять ствол дерева. Далее связался по рации с КПП «Бабчин», попросил прислать машину для нашей экстренной эвакуации и вызвать «скорую помощь» на КПП. С помощью водителя «Нивы», приехавшей за нами, мы посадили Поля на переднее сиденье, где он моментально уснул.

И тут я вспомнил, что нигде не видел кинокамеры француза. Жизни моего горе-подопечного сейчас ничто не угрожало, и я решил вернуться в замок, тем более что лучший в мире сыщик Петрович преданно сидел у машины. Я осторожно снял с головы спящего Поля бейсболку и протянул ее к носу собаки:

— Ищи камеру, Петрович, ищи!

Пес молча, как волк, развернулся и побежал к двухэтажному зданию с огромными окнами, где и скрылся из виду.

Скоро изнутри разрушенного замка раздался лай. Петрович стоял на остатках верхней площадки центральной лестницы и держал в зу-

бах кофр из-под камеры Ваньковича. Судя по легкости, с которой собака держала кофр, он был пуст. Но странно было другое: давно обвалившиеся пролеты лестницы и кусок верхней площадки с галереей держались на честном слове. Человек забраться туда без специального снаряжения никак не мог. Ни камеру, ни осколков от нее нам с Петровичем найти так и не удалось. Я дал себе обещание вернуться обратно и возобновить поиски камеры, но в глубине души точно знал, что камера осталась в том мире, из которого мне с Петровичем удалось вытащить ее хозяина.

Когда мы добрались до «Бабчина», машина «скорой помощи» нас уже ожидала. Поль очнулся, так и не вспомнив о своей кинокамере. От госпитализации, на чем настаивал врач «скорой помощи», пан Ванькович отказался, и под мое обещание наблюдать за пациентом врач доставил нас в гостиницу.

Солнце садилось за верхушки сосен. Вечерело. Поль спокойно уснул на своей кровати, а я устроился напротив него в кресле, где впервые за последние несколько часов задал себе вопрос: «А что бы было, если бы не сон, не чемоданчик для оказания экстренной помощи и не Петрович?»

Комментарии:

Доктор Николас Ву:

Надо разбираться, почему моя аппаратура, снимавшая показания с датчиков, находившихся на месье Ваньковиче, все время регистрировала параметры возбуждения: повышенная мозговая и мышечная активность, частые пульс и дыхание, высокий уровень гормонов и медиаторов адреналинового ряда, нормальный уровень сахара крови. Непонятно, почему аппаратура не показала гипогликемическую кому и реальную опасность для жизни наблюдаемого.

Доктор Федор Юркевич:

Вы не доверяете моей медицинской квалификации, доктор Ву? Это была классическая гипогликемическая кома, тем более что человек, попавший в пространственно-временную аномалию, или, как говорит Матвей Остапович, в «реку времени», как правило, теряет много энергии или истощается.

Доктор Андрэ Бертъе:

Разбираться надо, но скорее всего наши датчики работают в пространственно-временных аномалиях тоже аномально, и полагаться на них полностью нельзя.

Надежда Сушкевич:

Какие вы бездушные, господа ученые! Поль чуть не погиб, а вы про датчики! Федор, почему ты нам ничего не рассказал про свой сон, а, предполагая возможность несчастного случая, оставил Поля без наблюдения, одного? Ведь ты знал, что замок Ваньковичей — «плохое» место, и все же побежал к своим волкам. Ужас какой! Для одних главное — эксперимент и датчики, а для другого — волки.

Нэт:

Господа, не надо ссориться и обвинять друг друга. Мы все знали, в том числе и Поль, что эксперимент сложный и даже опасный для жизни, поэтому сейчас анализ важнее эмоций.

Мишель Дризе:

Плохо, что камера Поля пропала, нет никаких объективных материалов, которые могли бы пролить свет на этот загадочный случай.

Александр Капнист:

Предлагаю завтра сделать перерыв в посещении заповедника и отсмотреть всем вместе отснятые материалы с двух оставшихся камер. Что-то мне подсказывает, что там нас тоже ждут сюрпризы. Ведь это только доверчивые зрители уверены в том, что кино и фото — это то, за что выдает себя реальность.

Мишель Дризе:

Как жаль, что никто из нас, операторов, не сопровождал месье Юркевича. Я бы с удовольствием отснял эту уникальнейшую сцену поедания лабораторных посадок оленями. И, хоть доктор Бертье отлично перевел пост на французский язык, я так и не понял, кто такой «козел-provokator»?

Доктор Федор Юркевич:

Когда скот ведут на бойню, животные чувствуют свою смерть, очень нервничают и не хотят идти в загон, где их лишат жизни. На этот случай есть обученный козел, которого так и зовут «козел-provokator». Он идет первым в загон, а за ним все стадо. Конечно, козел благополучно выходит из смертельной ловушки, а животные погибают. Бойню приводят в порядок, и он заводит туда очередную порцию живого мяса. Все как у людей, ничего нового.

Надежда Сушкевич:

А зачем вы, Федор, жили рядом с кошкой два дня в лесу, да еще осенью? Взяли бы кошку и котят на руки и поехали бы к своему приятелю Николаю Григорьевичу?

Доктор Федор Юркевич:

Сразу видно, Надюша, что вы — человек городской. Поймать дикую кошку в лесу невозможно, а уж взять на руки и подавно. Ведь страшнее кошки зверя нет, у нее такие когти, что рваные раны, оставленные ею, могут быть несовместимы с жизнью. И без контакта и полного доверия кошка никогда бы не далась мне в руки. Даже если бы я забрал ее новорожденных котят и пошел пешком, то и тогда не факт, что Тигра бы последовала за мной, а котята бы могли не выжить на искусственном вскармливании. Кроме того, кошка-мама после каждого кормления массирует животики своим деткам для лучшего пищеварения и убирает за ними. Да и, забрав у кошки котят, можно было вызвать сильный у нее стресс, который мог плохо закончиться для нее и для меня. А потом, простите, психология животных — это все-таки моя специальность. К тому же, когда у малышей открылись глаза, кошка стала для них не только заботливой матерью, но и первой учительницей. Вот для того, чтобы Тигра поверила незнакомому человеку и не убежала от котят, мне и пришлось на время пожить рядом с ней.

Поль Ванькович:

Какой ужас!!! И дело не в том, что, по мнению доктора Юркевича, у меня была там какая-то кома и я был за гранью жизни! Это всего лишь слова Федора, а лабораторные датчики доктора Ву не зафиксировали каких-либо серьезных отклонений, да и мои жизненные показатели в машине «скорой помощи» были нормальными, что может подтвердить местный эскулап. Мало ли кто и где может, надышавшись заповедного воздуха, уснуть?! Возможно, все описанное доктором Юркевичем — это тоже игры-галлюцинации зоны или сон самого волковеда. Неоспоримый факт здесь только один — пропала моя кинокамера, и я хватился ее, только прочитав этот пост. А вот это-то как раз и невероятно! Кинокамера, с которой я не расстанусь уже пять лет и о которой помню даже пьяным или спящим... Господин Юркевич, не могли бы мы поехать в замок Ваньковичей и возобновить поиски моей кинокамеры?

Доктор Андрэ Бертъе:

Конечно, Поль, мы в ближайшие дни организуем поиски вашей кинокамеры, но, простите, без вас.